

ДРЕВНИЕ КАРЕЛЫ В ФИНЛЯНДСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2016 г. С.И. Кочкуркина

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск (babkin@karelia.ru)*

Северо-Западное Приладожье (Приозерский р-он Ленинградской обл., Лахденпохский и Сортавальский р-оны Республики Карелия) — территория летописной корелы, предка карельского народа — изучается финляндскими и российскими исследователями уже более 100 лет. На фундаментальной источниковой базе (средневековые могильники, клады, селища и городища, жертвенные камни и т.д.) стало возможным сформулировать ряд важных научных задач в освещении древней истории карельского народа (его происхождение, территориальные границы, хронология и периодизация, использование естественно-научных методов, язычество и православие) и предложить пути их решения. Однако в силу ряда объективных причин и сложившихся в историографии традиций некоторые принципиальные вопросы этнокультурной истории народа остаются спорными и требуют дальнейших исследований.

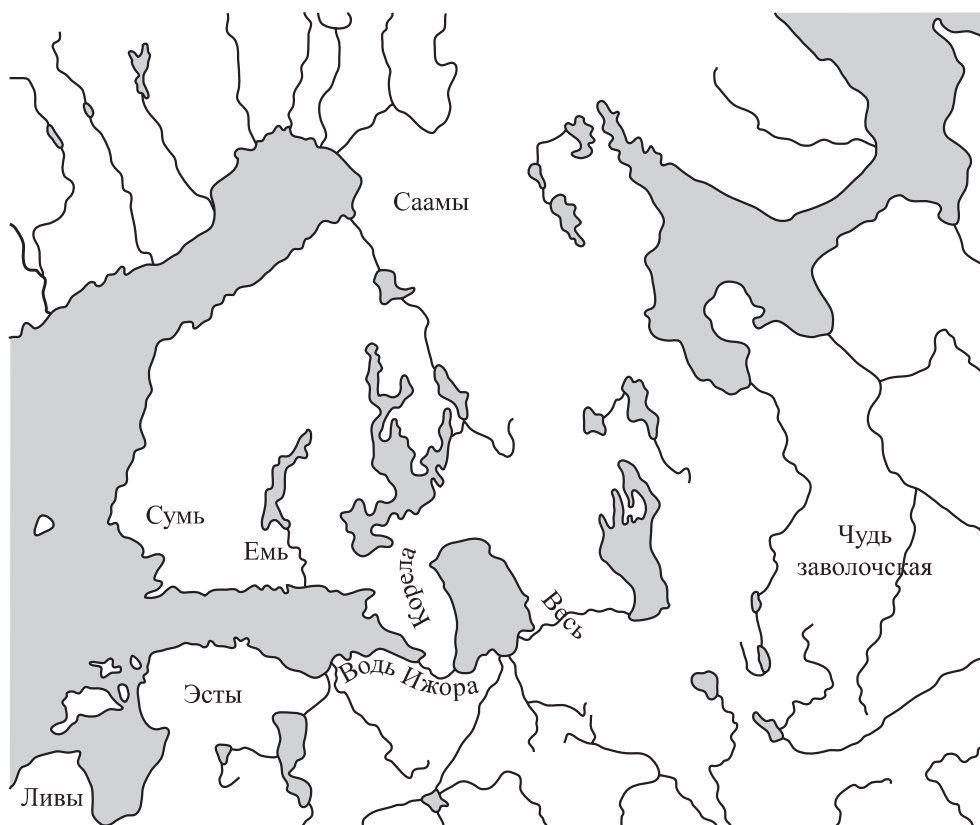
Ключевые слова: территория, народы, археологические памятники, датировка, естественно-научные методы в археологии, христианизация.

На территории Карелии археологические памятники эпохи Средневековья представлены несколькими историко-культурными типами (рисунк; каталог и ареалы средневековых памятников см. Кочкуркина, 2015. С. 35–148). В Юго-Восточном Приладожье (Ленинградская обл.), южной части Карелии и на северном побережье Онежского озера выявлены курганы рубежа I–II тыс. н.э., оставленные в основном прибалтийско-финскими народами (предки вепсов, карелов-ливвиков и людиков), в меньшей степени — скандинавами. Продвижение славян из Юго-Восточного Приладожья на Онежско-Ладожский водораздел, а затем и в Обонежье привело к формированию смешанного по составу населения (Муллонен, 2010. С. 427).

В восточной части Карелии, в бассейне Онежского озера на стоянках каменного—железного веков зафиксированы отдельные средневековые предметы. Долговременные раннесредневековые поселения пока неизвестны. Материальная культура представлена набором изделий из цветного металла, железа и фрагментов лепной керамики, на более поздних этапах — гончарными изделиями. Известны и бескерамические поселения. Этнокультурная принадлежность этих памятников пока остается спорной (Косменко, 1992).

В эпоху Средневековья Северо-Западное Приладожье было заселено древнекарельскими племенами,

названными в русских летописях корелой. Источниковая база археологического материала и данных смежных дисциплин создавалась исследователями России и Финляндии более века. Археологические памятники Средневековья на Карельском перешейке стали известны благодаря работам П. Т. Швиндта конца XIX в. Уроженец Ряйсяля (ныне пос. Мельниково Приозерского р-она Ленинградской обл.; сотрудниками музея-крепости Корела вблизи частично сохранившегося дома П. Т. Швиндта установлен гранитный памятный знак), с самого начала своей деятельности он увлекся исследованием истории родного края. В 1891 г. проводил раскопки в крепости Кякисалми (современный г. Приозерск). Во время путешествия по Карелии собрал богатый материал, частично вошедший в его работы, посвященные крестьянским костюмам и карельской вышивке. Этнографический опыт П. Т. Швиндта и глубокие знания в этой области сказались на высоком для того времени качестве публикации карельских могильников (Schwindt, 1893), но в финляндском научном обществе в свое время она не получила признания, хотя, по словам К. А. Нордмана (Nordman, 1968. Р. 43), ни до, ни после Швиндта таких обширных раскопок не проводилось. Исследователем была проделана немаловажная работа по сбору случайных находок, сохраненных его усилиями для науки. Зачастую они — единственные упоминания о некогда

Финно-угорское население Северо-Запада Восточной Европы эпохи Средневековья.

существовавшем памятнике. Докторский труд ученого значителен по кругу освещенных вопросов: довольно подробно описаны погребальные обряды и материальная культура, мужская и женская одежда, хозяйство и верования. Вопрос о происхождении культуры и ее связях с окружающими регионами П. Т. Швиндтом не разрабатывался, за что его упрекали современники. С сегодняшних позиций эти потери не кажутся катастрофическими – публикация памятников сохранила свою значимость и пережила многие ранее выдвинутые гипотезы и теории.

Большие работы в Северо-Западном Приладожье проводил Я. Аппельгрэн, опубликовавший огромную и трудоемкую работу о фортификационных сооружениях Финляндии, куда вошли и памятники Приладожской Карелии (Appelgren, 1891). К. А. Нордман, анализируя этот период в финляндской археологии, видел причину такого состояния науки в слишком малом числе специалистов-археологов, которым приходилось заниматься многими делами, не имея возможности остановиться на детальной проработке научных проблем (Nordman, 1968. Р. 45).

Диапазон научных интересов А. М. Талльгрена простирался вплоть до Сибири. Он прошел

археологическую подготовку в Швеции, затем, заведая кафедрой археологии в Дерптском университете, организовал археологические исследования и охрану памятников в Эстонии, реализовал свою идею издания ежегодника *“Eurasia Septentrionalis Antiqua”*, где публиковались материалы по археологии Западной и Восточной Европы, а также провел небольшие раскопки около Выборга и Рауту (современное Сосново), посвятив карельской тематике три обзорные статьи (см. Кочкуркина, 1982. С. 8).

Отсутствие планомерных археологических работ в 1920-х годах в Северо-Западном Приладожье тормозило накопление материала. Обычная практика выявления древностей в то время осуществлялась через проверку поступивших от местных жителей сведений. Лишь в конце 1930 – начале 1940-х годов исследованиями Э. Кивикоски был внесен существенный вклад в изучение и публикацию древностей Северо-Западного Приладожья. Ею были раскопаны погребальные памятники в районе Сортавала и в Саккола-Патъя (Ольховка), а также курганы на Олонецком перешейке. К числу заслуг исследовательницы нужно отнести доброкачественную по сравнению с материалами 1920-х годов полевую документацию. Э. Кивикоски выполнила грандиозную работу по созданию каталога

древностей Финляндии и Северо-Западного Приладожья (Kivikoski, 1973). В итоге к началу 1939 г. в археологических коллекциях Национального музея (г. Хельсинки) третья часть приходилась на изделия из Северо-Западного Приладожья и около 40% — на предметы каменного века из Карелии (Karjalan synty, 2003. S. 137).

В 70-х годах XX в. в Северо-Западном Приладожье археологические работы проводились под руководством А.Н. Кирпичникова (1984): раскопки крепости Корела и разведки в Тиверске.

С 1970-х годов и по настоящее время полевые исследования ведутся под руководством С.И. Кочкуркиной. За этот период изучены объекты с топонимами “линнавуори” и “линнамяки”, вскрыто около 3000 м² на городищах Тиверск, Куркиёки-Лопотти, Хямеенлахти, Соскуа, Терву и Паасо, выявлены городища-убежища (Кочкуркина, 2010).

Большой вклад в создание источниковой базы Северо-Западного Приладожья внес А.И. Сакса, опубликовавший результаты исследования вначале на финском (Saksa, 1998), а затем и на русском (Сакса, 2010) языке. Наиболее результативные полевые исследования были проведены им в Кууппала-Калмистомяки в 1985–1987, 1995 гг. (вскрыто более 500 м²). На памятнике выявлены культурные слои эпохи неолита и раннего металла, 25 погребений X–XV вв., а также предметы из разрушенных погребений. На городище Хямеенлахти А.И. Сакса в 1987 г. исследовал средневековый слой на площади около 70 м²; раскопал комплекс Ольховка (169 м²), состоящий из селищ, ритуальных куч и жертвенных камней. При археологических исследованиях территории древней крепости Корела на рубеже 80–90-х годов XX в. (раскопки А.И. Саксы и П. Уйно) были обнаружены строительные остатки, существовавшие на острове до возведения крепостных сооружений, и, предположительно, следы разрушенных погребений VIII–XIII вв., которые позднее были уничтожены строительными работами. Территорию Выборгской крепости и ее окрестностей в 1980-х годах изучал А.В. Тюленев, на рубеже XX–XXI вв. — А.И. Сакса.

Пополнению источниковой базы погребальных памятников в значительной степени способствовал С.В. Бельский (2012), исследовавший могильник Кюлялахти в Лахденпохском р-оне Республики Карелия в 2005–2009 гг. (вскрыты 426 м² и 93 погребения).

Итак, на территории летописной корелы к настоящему времени I — началом II тыс. н.э. датируются 17 могил и могильников, 6 кладов и отдельных находок монет, 43 местонахождения случайных находок, предметы, собранные при раскопках более поздних

древнекарельских городищ. Поселения этого времени археологами не выявлены. Археологические памятники XII–XV вв. представлены городищами (11), так называемыми хозяйственными сооружениями (7), могильниками (8, около 160 могил), погребениями с городища Тиверск (28), кладами с серебряными вещами (4). Кроме того, зафиксированы селища (8), значительная часть которых распахана, остатки разрушенных погребений в 31 пункте, случайные находки — в 53, около 20 жертвенных камней, 2 группы каменных куч (Кочкуркина, 2015. С. 39, 40).

Археологические памятники древних карелов активно привлекались и привлекаются финляндскими исследователями в качестве объектов научного анализа. Ю.-П. Таавитсайнен (Taavitsainen, 1990; 2003) в работах о древних крепостях Финляндии подчеркнул трудности, связанные с классификацией памятников, поскольку сооружались они с разными целями; датированием, так как вещественные доказательства порою скудны и противоречат радиоуглеродным датам; и разным назначением.

В исследовании о древней Карелии П. Уйно (Uino, 1997) обобщены все имеющиеся на то время археологические источники, приведены разные точки зрения на спорные вопросы. К числу несомненных заслуг автора надо отнести богатый картографический материал. Ей удалось нанести на топографические карты не только важные археологические памятники, но и случайные находки. Основные позиции исследовательницы изложены в разделах коллективной работы “Karjalan synty” (2003).

В разделе X. Симолы (Simola, 2003. S. 81–107, 110–115) впервые наиболее полно рассказывается о карельской природе: растительном и животном мире, новых палеоэкологических исследованиях в Северо-Западном Приладожье и Карелии. Однако все еще остается неразработанной методика использования данных естественно-научных дисциплин. Проведенные исследования в районе Сортавала, Куркиёки, Хийтола, на Валааме, Карельском перешейке показали наличие земледелия в I тыс. н.э., но синхронные археологические свидетельства населения в этом районе отсутствуют.

Большую ценность в книге “Karjalan synty” представляет диалектологический обзор, в то время как топонимические данные почти не использованы, несмотря на фундаментальные разработки в этой области исследователей Финляндии.

По антропологической характеристике карелы относятся к европеоидным народам с незначительной примесью монголоидности. Антропологами высказано предположение, что восточная Финляндия — Саво и Карьяла — заселена пришедшим

с юго-востока через Карельский перешеек населением, а затем уже население из восточного Саво освоило северное побережье Ботнического залива (Кайянойя, 1974). Одонтологическое исследование погребенных из нескольких десятков кладбищ XVIII–XIX вв. на территории Республики Карелия выявило, что по особенностям зубов карелы близки многим народам, населявшим Север европейской части России (Гравере, 1982). Изучение же черепов показало, что карелы занимают особое место в восточноевропейском ареале и отличаются от эстонских, финских, саамских, русских. Прямые аналогии имеются в могильнике каменного века Звейниёки (Латвия). Видимо, протокарелы, оттесненные на территорию Карелии и находясь в изоляции, сохранили в своем антропологическом типе наиболее древние черты (Хартанович, 2001. С. 133). Краниологическая серия из пос. Куркиёки, представляющая население Северо-Западного Приладожья конца XVIII – начала XIX в., продемонстрировала антропологическую однородность и промежуточное положение по многим признакам между финскими и карельскими черепами, но ближе к последним. Такая однородность, считает В.И. Хартанович, говорит о законченности процессов метисации финского и карельского населения и о большей доли карельского субстрата в антропологическом типе населения (Хартанович, 1986. С. 117, 118; 1990. С. 224; 2005. С. 19). Существенными в итоговом исследовании этнокультурной истории древнекарельского народа являются результаты анализа средневековой краниологической серии из могильника Кюлялахти, осуществленного В.И. Хартановичем и И.Г. Ширококовым (см. Бельский, 2012. С. 234). По их мнению, подтверждена гипотеза “об антропологической преемственности средневековой карелы и карельских групп XVIII – начала XX века. Полученные данные согласуются с высказанным ранее предположением о сохранении в облике средневекового населения Северо-Западного Приладожья морфологических черт древнейшего на рассматриваемой территории североевропейского антропологического типа”.

Естественно-научные методы. Отечественные исследователи являются пионерами в применении естественно-научных методов при изучении археологического наследия. Результаты микроструктурного исследования кузнечных изделий, осуществленного Л.С. Хомутовой (1982), показали, что производство отличалось высокой сложностью и не уступало в этом древнерусскому, прежде всего новгородскому, под влиянием которого развивалось. Использовались те же технологические схемы: трехслойный пакет, сварка стальной полосы в рабочую часть клинка, наварка стального лезвия на железный клинок. Сравнение самой массовой категории

кузнечного инвентаря – ножей из древнекарельских поселений – показывает тесную связь местной технологии с северорусской. В производстве ножей наиболее часто употреблялись технологические схемы, доминирующие на севере Руси, прежде всего в Новгороде, в IX–XII вв., главным образом, – прогрессивная сварная техника. Она продолжала использоваться и в XIII–XIV вв. Длительное сохранение этой технологии можно объяснить не только устойчивостью традиций в среде кузнецов, но и тем, что до северной периферии Новгородской земли еще не дошли экономические стимулы, заставлявшие работать на широкий рынок и неизбежно приводившие к экономии металла и упрощению технологии (Кочкуркина, 2000. С. 30).

Меднолитейное дело у древних карелов развивалось в русле передовых традиций. Впервые результаты спектрального анализа химического состава металла 55 находок из археологических раскопок на городищах Тиверск и Паасо были осуществлены в 1980-е годы в Институте геологии КарНЦ РАН (Васильева, 1982. С. 185–188). Несмотря на то что Э.С. Васильева использовала качественный метод оценки концентрации химических элементов, эти данные позволили определить набор цветных металлов и сплавов, характерных для карельских памятников, и высказать суждения относительно источников поступления ювелирного сырья на эту территорию.

Спустя почти 30 лет в практику археологических исследований вошли более совершенные методы определения химического состава древних металлов и сплавов. С их помощью можно получить информацию о количественном содержании элементов без отбора проб и ущерба для сохранности изучаемых объектов. Для изучения химического состава Н.В. Енисовой были привлечены 76 находок с древнекарельских городищ.

Анализ показал, что из свинцовых латуней (сплав меди, цинка, свинца) изготовлены изделия, датирующиеся X–XII вв. Многочисленны украшения из оловянно-свинцовых бронз. Характерные примеси – серебро, мышьяк, сурьма – свидетельствуют о происхождении сырья из месторождений, обнаруженных на территории Германии.

Серебро представлено тремя пробами (два предмета украшения и прут). Различные комбинации легирующих компонентов в серебре, как правило, свидетельствуют о том, что к драгоценному металлу добавлялись в виде лома бронзовые, медные или латунные изделия, а также свинец в чистом виде.

Разнообразие карельских сплавов объясняется, прежде всего, многократной переплавкой изделий

и сырьевых продуктов, поступающих из разных источников. Карельская выборка имеет много общих черт с новгородской и в целом вписывается в картину распространения ювелирного сырья на Северо-Западе в X–XV вв. Однако состав цветного металла Карелии отражает специфическую ситуацию этого региона, вовлеченного в торговые и политические контакты как с Новгородом, так и с Западом (Ениосова, 2010. С. 248–262).

В последнее время при изучении средневековой гончарной керамики успешно применяются геохимические анализы, позволяющие определить состав глиняного теста, источники сырья, место ее изготовления (Поташева и др., 2013. С. 44–49). На вопрос, являлась ли круговая керамика древних карелов продуктом местного гончарного производства или какая-то ее часть попала к жителям городищ из соседних областей в ходе торговых или обменных операций, авторы ответили положительно: помимо гончарных сосудов, сделанных на месте, имеются привозные изделия.

На фундаментальной источниковедческой базе, созданной несколькими поколениями как отечественных, так и зарубежных археологов, стало возможным сформулировать ряд важных научных задач в освещении древней истории карельского народа и предложить пути их решения, хотя в силу ряда объективных причин и сложившихся традиций единого мнения у исследователей по некоторым вопросам нет. Остановлюсь лишь на некоторых из них.

О происхождении древних карелов. Использование всего спектра источников по этнической истории древних карелов позволило создать в общих чертах непротиворечивую картину, но некоторые спорные аспекты существуют, например, о происхождении племени корела. Этот вопрос долгое время оставался дискуссионным. Учеными-гуманитариями проделана обстоятельная и кропотливая работа, отклонены и представляют лишь библиографический интерес теории лингвистов и историков XIX в., так же как и теории начала XX в. о западно-финском происхождении карелов. Формированию таких точек зрения способствовали и объективные обстоятельства, прежде всего отсутствие археологических материалов I тыс. н.э. В последующие десятилетия исследователи, не удовлетворенные такими умозрительными выводами, главное внимание стали уделять археологическим данным. А.М. Талльгрэн, А. Европеус, К.А. Нордман считали мнение о переселении карельских племен с запада на восток необоснованным. Необоснованной представляется и гипотеза о заселении Карельского перешейка с востока, сформулированная в 1930-е годы

В.И. Равдоникасом: население, оставившее курганы, не могло принимать участие в формировании корелы, хотя наличие контактов отрицать нельзя (Кочкуркина, 1975. С. 303–305).

По мнению крупнейшего финноугроведа Д.В. Бубриха (1947; 1971), разработавшего концепцию происхождения и этнического развития народа в XII–XVII вв., корела сформировалась на Карельском перешейке, но различные, пришедшие извне компоненты, изменили ее – в IX в. она называлась “кирьяла” и, видимо, ее первоначальный состав был иным (подробнее см. Кочкуркина, 1982. Сноска 4).

В последние годы в отечественной и зарубежной литературе древних карелов рассматривают как качественно новое формирование, возникшее на базе местного западнофинского и пришедшего из Юго-Восточного Приладожья населения. Расхождения наблюдаются в том, какая из составляющих преобладала. Одни полагают, что на формирование корелы оказали воздействие в первую очередь западная Финляндия, Готланд и Новгород; другие признают тесную связь населения Карельского перешейка и Юго-Восточного Приладожья. За истекшие годы археологический материал I тыс. н.э., который смог бы существенно пополнить источниковую базу и внести ясность в вопрос о происхождении древних карелов, практически не увеличился. По-прежнему исследователи оперируют скудной информацией, добытой еще в конце XIX – начале XX в., что неизбежно приводит к вольным трактовкам.

О территории летописной корелы. Историки, археологи, лингвисты и фольклористы считают, что в XII–XIV вв. Карельский перешеек с северо-западными берегами Ладожского озера до северо-восточных берегов Финского залива с г. Корела являлся древнекарельским центром. Этот вывод хорошо согласуется с топонимическими данными. Древнерусские летописи, берестяные грамоты довольно четко определяют территориальные границы корелы. Спорным остается вопрос о включении Миккельских озер (юго-восточная Финляндия, р-он Саво) в древнекарельский ареал. По традиционно установившемуся мнению, могильники Миккели представляют собой ответвление ладожско-карельской культуры (Nordman, 1924. S. 191–196; Tallgren, 1931. S. 192; Kivikoski, 1961. S. 271, 272). Однако позднее под влиянием результатов раскопок новых более древних могильников, которые по своему строению напоминали могилы западной Финляндии, было сделано заключение, согласно которому культура Миккели является сплавом культур хяме и карелов (Äyträä, 1939. S. 51–62).

Вместе с тем существующие общие черты памятников обоих регионов, как в погребальных обрядах,

так и в сопровождающих вещах (Кочкуркина, 1982. С. 57–75), позволяют заключить, что их близость нельзя объяснить лишь культурным заимствованием. Речь может идти только о едином этническом регионе. Имеющиеся различия не противоречат этому выводу. Они естественны, поскольку этничность — это весьма изменчивый феномен, подверженный как внутренним, так и внешним влияниям. О пребывании древних карелов на далеких территориях говорят предметы, топонимические данные, письменные источники, предания (Кочкуркина, 1982. С. 35, 36, 165–167). В настоящее время исследователи остановились на взвешенной, компромиссной точке зрения, признающей не только древнекарельское влияние на культуру Саво, но и присутствие на этой территории древних карелов (Taavitsainen, 1990. P. 105–107, 113; Lehtinen, 1994. S. 62–64; Uino, 1997. P. 172–174; Saksa, 1998. S. 167–172; Karjalan syntyy, 2003. S. 441–443).

Сказанное вовсе не означает, что район Миккельских озер был заселен только карелами, безусловно, здесь проживали и хяме, но в результате этнических взаимовлияний выработалась своя оригинальная и самобытная культура. Вывод о “карельскости” культуры Саво находит поддержку и в лингвистических материалах (Лескинен, 1976. С. 139–148; Leskinen, 1987. S. 77–95; Pirinen, 1988. S. 272–289; Leskinen, 2003. S. 448, 449).

Кроме саво-карельской группы, известны и другие. По мнению Д.В. Бубриха (1947), к XII в. сформировались следующие группы карелы: привыборгская, присайменская, приботнийская, корела в центральной части Карельского перешейка и ижора. Все они испытывали этнические влияния, одни в большей мере, другие — в меньшей, у одних преобладали западные элементы, у других — восточные. Именно эти обстоятельства привели к различию в материальной культуре.

О хронологии и периодизации. В Европе, Финляндии и России на этот счет существуют разные суждения. Доистория Финляндии представлена римским железным веком (0–400 гг.), временем переселения народов (400–600 гг.), периодом Меровингов (600–800 гг.), эпохой викингов (800–1025 гг.) и периодом крестовых походов (1025–1200 гг.). Для территории Карелии предлагаются несколько иные даты: средний железный век (300–800 гг.), период викингов (800–1100 гг.), период крестовых походов (1100–1300 гг.) (Karjalan syntyy, 2003. S. 562). Для древностей Карелии, на наш взгляд, I — начало II тыс. н.э. точнее было бы назвать периодом возникновения Древнерусского государства и формирования этносов на Северо-Западе России. Понимая всю условность названий хронологических периодов, придуманных самими

исследователями, видимо, во избежание путаницы на общеевропейском уровне, целесообразнее использовать, где это возможно, датировку по векам.

Действительно, вопросы датирования остаются сложными, несмотря на посвященную им научную литературу. В финляндских работах принципиальных разногласий о принадлежности памятников летописной карелы периоду крестовых походов (1050–1300 гг.) нет. В исследованиях К.А. Нордмана (Nordman, 1924) на огромном материале с привлечением обширных аналогий культура Саво и Корельской земли датируется XII–XIII вв. Для финляндских исследований второй половины XX в. характерно стремление удреветить некоторые вещи и памятники карелы в целом. Особенно ярко эта тенденция проявилась в трудах П.-Л. Лехтосало-Хиландера (Lehtosalo-Hilander, 1966). Взяв самую распространенную категорию женских украшений — овално-выпуклые фибулы типа Н — и проанализировав форму, размеры, способы крепления иглодержателя и орнаментику, исследовательница разделила их на несколько, по ее мнению, хронологически разных групп. Однако с заключением о датировке украшений периодом между 1000 и началом 1200-х годов (причем утверждается, что подобные фибулы не встречаются в погребениях конца 1200-х годов) трудно согласиться. В отечественной науке, напротив, прослеживалась тенденция омолаживать даты, поднимая их до XIV в. Так, например, А.И. Сакса (2010. С. 132–142) погребальные памятники древнекарельской культуры датирует второй половиной XII–XIII — началом XIV в., С.Б. Бельский (2013) — XI–XV вв.

Объективные сложности, возникающие при определении временных границ памятников, понятны. Все даты получены типологическим методом, уязвимость которого очевидна. Привлечение аналогий с близлежащих территорий вызывает сомнение — синхронны ли эти вещи интересующим нас находкам, правильно ли перенесение дат со стороны без изменений, без допуска на местные условия? Если же между временем употребления оригинала и вещи, на которую переносится эта дата, имеется расхождение, то каким отрезком времени его измерить — годами или десятками лет? Факты долгого использования археологических артефактов в быту общеизвестны, в то время как погребения с монетами единичны. На базе новых изученных памятников С.В. Бельскому удалось построить непротиворечивую, за некоторым исключением, схему развития погребальной обрядности от кремаций до захоронений в могильных ямах. Унифицированный обряд погребения сформировался в XIV–XV вв. в соответствии с церковными установками (Бельский, 2013).

Процесс христианизации. Христианизация обеих территорий всегда интересовала исследователей. Этому способствовали интенсивные историко-культурные и политические связи Финляндии и Карелии. Зимой 1227 г. Ярослав Всеволодович двинул свои полки против народа хяме (*емь* русских источников), уже попавшего под влияние шведов, и, как сообщает, несколько преувеличивая, Лаврентьевская летопись (1962. С. 449), “всю землю их плени”. В том же году произошло крещение карелов: “послав крести множество Корел, мало не все люди”, т.е. по распоряжению князя было крещено почти все население, проживавшее, скорее всего, в центральных районах Северо-Западного Приладожья. Датский исследователь Д. Линд (Lind, 1977) подверг критике достоверность сообщений Лаврентьевской летописи, в том числе и о крещении карелов в 1227 г., по той причине, что новгородские летописи об этом событии не говорят. Высказывание Д. Линда активно поддерживали зарубежные исследователи. Поскольку упоминание о крещении имеется только в Лаврентьевской летописи, создававшейся, по их мнению, в географически отдаленной Ростово-Суздальской земле, стало быть, известие о крещении карелов явилось частью православной пропаганды 1400-х годов. Но с этими доводами трудно согласиться. Логике исторических процессов того времени акция по крещению карелов не противоречит. Причина, по которой сообщение появилось именно в ростово-суздальской Лаврентьевской летописи, объясняется тем, что Ярославу Всеволодовичу после жестокой борьбы достался Переяславль Залесский в Ростово-Суздальской земле, в Новгороде же он был редким гостем, посещая его, как считает В.Л. Янин (2003. С. 198), “лишь в связи с военными операциями”.

Из краткого летописного сообщения непонятно многое: кто осуществлял крещение, каким образом оно происходило. Ясно, что принудительное крещение древних карелов диктовалось обостренной военно-политической ситуацией на северо-западных границах Руси. Следовало закрепить власть над населением, нейтрализовать шведское влияние, приостановить распространявшийся с запада католицизм на приграничные новгородские земли. Дальнейшие события показали, что такой способ решения территориальных споров в то время был необходим и оправдан. Согласно Ореховецкому мирному договору 1323 г., государственная граница отторгла западную корелу, попавшую под власть католицизма, шведских порядков и законов, от восточной, новгородской. Различно сложились и их судьбы. Основная часть корелы, тесно связанная с Новгородом экономическими, политическими и культурными узами, осталась под его властью.

Религиозная сторона массового крещения карелов оказалась на втором плане. Естественно, за короткий срок язычество искоренить невозможно. Рядовая часть населения, видимо, не изменила своих религиозных представлений. В археологических материалах XIII–XIV вв. предметы религиозного культа редки. Известна также берестяная грамота середины XIII в., написанная русскими буквами на древнекарельском языке и содержащая языческое заклинание. К тому же и монастыри в Корельской земле возникли не ранее XIV в. Новгородские архиепископы Макарий (1534 г.) и Феодосий (1543 и 1548 гг.) были обеспокоены стойким сохранением языческих обрядов у карелов и их соседей. Они слали грамоты-инструкции, напоминая многочисленным адресатам — чуди, ижоре, кореле — о необходимости и обязательности соблюдения православных обрядов. Поучала карелов и католическая церковь. В середине XVI в. финляндский епископ М. Агрикола в предисловии к “Псалтыри”, финскому переводу псалмов, укоряет финнов и древних карелов за их пристрастия к языческим обрядам, верованиям и культурам.

В Финляндии процесс христианизации проходил иначе. Обращение западнофинского населения в католичество произошло довольно безболезненно. В восточной Финляндии, где новгородское влияние оставалось сильным, картина была иной. Известно, что ранние христианские термины проникли в финский язык из древнеславянского: поп (*pappi*), поганый, язычник (*pakana*), крест (*risti*), кум (*kummi*), Библия (*raamattu*).

В работе “К вопросу о христианизации Финляндии. Исследование религии на основе археологических данных” (Purhonen, 1998) П. Пурхонен впервые рассмотрела вопросы религии на археологическом материале. Однако выявление конкретных археологических предметов в качестве христианских символов и мотивов, как и использование археологического материала в целом при освещении вопросов религии требует научного обоснования. К примеру, могут ли носимые на шее подвески в виде креста быть христианскими символами? Исследовательница сама признает, что найденные на территории Финляндии подвески были либо скандинавскими, либо восточнобалтийскими или новгородскими. Ранние христианские импульсы, по ее мнению, появились в западной Финляндии со стороны Скандинавии. Что касается христианских импульсов из восточной Балтии еще в эпоху викингов, то предположение исследовательницы было почти сразу раскритиковано ее соотечественником Ю. Луото (Luoto, 1999. S. 53–57), так как в эпоху викингов народы южного побережья Балтии еще оставались язычниками.

П. Пурхонен считает, что западные христианские погребения в районе Турку появляются в XII в., хотя языческие могильники с большим количеством погребального инвентаря еще продолжали существовать. В этой связи интересны топонимы, связанные с православным влиянием: г. Турку (от русского “торг”) и Пааскунта (от русского “погост”), данные, видимо, купцами-христианами из Новгорода. В южной центральной части Финляндии, на территории Хяме, согласно П. Пурхонен, христианство было внедрено силой во время так называемого второго крестового похода, т. е. около середины XIII в.

На побережье Ботнического залива, в устье р. Кеми, отмечены православные личные имена в названии хуторов и объектов ландшафта по всему течению реки, а также такие названия, как *säässinä* (часовня), *manasteri* (монастырь).

Что касается восточной Финляндии, то на таких кладбищах, как Микели–Тууккала–Висулахти, датирующихся XII–XIV вв., большинство погребений сопровождалось обильным инвентарем, далеким от христианской обрядности. В могильнике Каускила (XIV–XVI вв.), где обнаружено несколько языческих погребений, основная масса представлена поздними христианскими захоронениями. Позже на нем была сооружена часовня. По всей вероятности, эти материалы свидетельствуют о сходной ситуации с христианизацией как в Северо-Западном Приладожье, так и в приграничных с Карелией районах Финляндии, хотя П. Пурхонен утверждает, что территория Микели была христианизована с запада наперекор Карелии.

Итак, в результате исторического подхода к реконструкции древнекарельского этноса по археологическим источникам с привлечением сведений из гуманитарных и естественно-научных дисциплин удалось воссоздать модель древнекарельского этноса со всеми присущими только ему особенностями материальной и духовной культуры. Зарождение и проявление этноса проходили в определенной историко-культурной обстановке I – начала II тыс. н.э., в конкретных природных условиях среды обитания, сформировавших особенности поселенческой структуры и хозяйственной деятельности населения. Специфические формы материальной культуры были изменчивы и зависели не только от личных вкусов и пристрастий (особенно это касается женских предметов украшений), но и от активности и географической направленности торгово-культурных связей. Приобщение к христианству внесло свои коррективы в археологический набор признаков. Политические события государственного масштаба (войны, международные договоры и т. д.) приводили, с одной стороны, к усилению самосознания

древних карелов, подчеркиванию самобытности и защите своих рубежей, а с другой – к изменчивости территориальных границ, исходу карелов со своих традиционных мест заселения и, в конечном счете, к существенным изменениям основных маркеров этноса.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Карелия в рамках проекта проведения научных исследований “Гончарное производство и сырьевая база на территории Карелии (эпоха каменного века – Средневековье)” (№ 14–11–10002)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бельский С. В. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (археологические исследования 2006–2009 годов) / Отв. ред. А. А. Селин. СПб.: Наука, 2012 (Свод археолог. источников Кунсткамеры; Вып. 3). 240 с.
- Бельский С. В. Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. (хронология вещевых комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. 30 с.
- Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1947. 51 с.
- Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 5: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с индоевропейскими языками: К 80-летию со дня рождения Д. В. Бубриха / Отв. ред. Г. М. Керт, М. И. Муллонен. Л.: Наука, 1971. С. 3–32.
- Васильева Э. С. Характеристика медных сплавов с городищ Тиверск и Паасо // Древняя карела. Л.: Наука, 1982. С. 185–188.
- Гравере Р. У. Одонтологическая характеристика карел // Изв. АН Латв. ССР. История. 1982. № 6 (419). С. 81–93.
- Енисова Н. В. Новые данные о химическом составе цветного и драгоценного металла памятников летописной карелы // Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2010. С. 248–262.
- Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 276 с.
- Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ, 1992. 222 с.
- Кочуркина С. И. Рец. на кн.: Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. // СА. 1975. № 2. С. 303–305.
- Кочуркина С. И. Древняя карела. Л.: Наука, 1982. 215 с.
- Кочуркина С. И. Железообрабатывающее ремесло у древних карелов и вепсов в эпоху средневековья // Гуманитарные исследования в Карелии / Отв. ред.

- О.П. Илюха. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2000. С. 23–30.
- Кочуркина С.И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2010. 263 с.
- Кочуркина С.И. Археологические памятники и этносы на территории Карелии в эпоху Средневековья // Истоки Карелии: время, территория, народы: Междисциплинарные исследования / Сост. С.И. Кочуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. С. 39–148.
- Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку // ПСРЛ. Т. 1. М.: Наука, 1962. 578 с.
- Лескиннен Х. Карелы и Саво с точки зрения исследователя языка // Происхождение Карелии: Докл. семинара 30 июня – 2 июля 1976 г. Йоэнсуу: Ун-т Йоэнсуу, 1976. С. 139–148.
- Муллонен И.И. Формирование этноязыковой карты Карелии (по материалам топонимического атласа) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям: Программа фундаментальных исследований Президиума Российской Академии наук / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 424–427.
- Поташева И.М., Чаженгина С.Ю., Светов С.А. Возможности применения микророндового анализа образцов круговой керамики к изучению технологии древнего гончарства карелов в эпоху Средневековья // Уч. зап. ПетрГУ. Сер.: Естественные и технические науки. 2013. № 8 (137). С. 44–50.
- Сакса А.И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.
- Хартанович В.И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР / Ред. И.И. Гохман, А.Г. Козинцев. Л.: Наука, 1986. С. 63–120.
- Хартанович В.И. К краниологии населения северо-западного Приладожья XIX – начала XX в. // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенет. процессы / Отв. ред. и авт. предисл. Р.Я. Денисова. Рига: Зинатне, 1990. С. 216–229.
- Хартанович В.И. Древние и современные антропологические типы Северо-Запада России и Фенноскандии // Очерки исторической географии / Под. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 499–507.
- Хартанович В.И. Антропологический состав карельского народа (общность и специфика территориальных групп как результат межэтнического взаимодействия) // Межкультурные взаимодействия в межкультурном пространстве пограничного региона / Сост. О.П. Илюха. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2005. С. 13–22.
- Хомутова Л.С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа // Древняя корела. Л.: Наука, 1982. С. 188–208.
- Янин В.Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. 512 с.
- Appelgren Hj. Suomen muinaislinnat. Helsingfors, 1891 (SMYA; V. XII). 237 s.
- Äyräpää A. Katsaus Savon muinaisuuteen // Viidennet museopäivät Kuopiossa 1938. Helsinki, 1939. S. 51–62.
- Karjalan synty. 1. osa / Ed. M. Saarnisto. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2003. 560 s.
- Kivikoski E. Suomen esihistoria // Suomen historia I. Porvoo, 1961. S. 104–293.
- Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands: Bildwerk und Text. Helsinki: O. Y. Weilin, A. B. Goos, 1973 (Finnische Altertumsgesellschaft). 150 s.
- Lehtinen L. Mikkelin seudun kalmistot osana Savon varhaishistoriaa // Kalmistojen kertomaa. Rautakautinen Mikkeli seutu idän ja lännen välissä. Mikkeli, 1994. S. 6–25.
- Lehtosalo-Hilander P.-L. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta // SM. 1966. № 73. S. 22–39.
- Leskinen H. Pohjois-Karjalan murteet – silkkaa Savoa vai katoavaa Karjala? // Carelia rediviva. Joensuu, 1987. S. 77–95.
- Leskinen J. Karjalaisten kielimuotojen alkuperän arvoitus // Karjalan synty. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2003. S. 448, 449.
- Lind J. Sjögrens Häme-teori og de russiske Krøniker // Historisk Tidskrift för Finland. 1977. Årg. 62. S. 286–323.
- Luoto J. Suomen varhaiskristillisyyden kokonaisuus // Muinaistutkija. 1999. № 2. S. 53–57.
- Nordman C. A. Karelska järnåldersstudier. Helsingfors: K. F. Puromies Boktryckeri A.-B., 1924 (FFT; V. XXXIV: 3). 200 s.
- Nordman C. A. Archaeology in Finland before 1920. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1968 (History of Learning and Science in Finland 1828–1918; V. 14a). 82 p.
- Pirinen K. Savon keskiaika. Savon historia I. Kuopio, 1988. 285 s.
- Purhonen P. Kristinuskon saapumisesta Suomeen: uskontoarkeologinen tutkimus. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1998 (SMYA; V. 106). 261 s.
- Saksa A. Rautakautinen Karjala. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 1998. 258 s.
- Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta. Helsinki, 1893 (SMYA; V. XIII). 206 s.
- Simola H. Karjalan luonto ja ihminen // Karjalan synty. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2003. S. 81–115.
- Taavitsainen J.-P. Ancient Hillforts of Finland: Problems of Analysis, Chronology and Interpretation with Special Reference to the Hillfort of Kuhmoinen. Helsinki: University of Helsinki, 1990 (SMYA; V. 94). 294 p.
- Taavitsainen J.-P. Karjalan muinaislinnat // Karjalan synty. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2003. S. 432–434.
- Tallgren A. M. Suomen muinaisuus. Suomen historia I. Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1931. 256 s.
- Uino P. Ancient Karelia: Archaeological studies. Helsinki, 1997 (SMYA; V. 104). 426 p.

ANCIENT KARELIANS IN FINNISH AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Svetlana I. Kochkurkina

*Institute of Linguistics, History and Literature of the Karelian Research Centre of RAS,
Petrozavodsk*

Northern-West Ladoga (Priozersky District of Leningrad Oblast, Lakhdenpohsky and Sortavalsky Districts of the Republic of Karelia), a territory of the chronicle korela, the ancestor of the Karelian people, has been studied by Finnish and Russian researchers for more than a century. Based on fundamental sources (medieval barrows, hoards, ancient settlements, sacrificial stones and etc.) it has become possible to define some important scientific problems in the treatment of ancient history of the Karelian people: the origin of ancient Karelians, borders, chronology and periodization, use of scientific methods, paganism and Orthodoxy. However, for some objective reasons and established traditions in historiography some principal problems of the ethno-cultural history of the people are disputable and demand further examinations.

Key words: territory, peoples, archaeological sites, dating, scientific methods in archaeology, Christianization.

REFERENCES

- Appelgren Hj., 1891. Suomen muinaislinnat. Helsingfors. 237 p. (Suomen muinaismuisto yhdistyksen aikakauskirja, XII).
- Äyräpää A., 1939. Katsaus Savon muinaisuuteen. Viidenneen museopäivät Kuopiossa 1938. Helsinki, pp. 51–62.
- Bel'skiy S.V., 2012. Mogil'nik Kyulyalakhti Kalmistomyaki v Severo-Zapadnom Priladozh'e (arkheologicheskie issledovaniya 2006–2009 godov) [Burial ground Kyulyalakhti Kalmistomyaki in the North-Western Ladoga Region (archaeological investigations of 2006–2009)]. A.A. Selin, ed. St. Petersburg: Nauka. 240 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov Kunstkamery, 3).
- Bel'skiy S.V., 2013. Pogrebal'nye pamyatniki Karel'skogo peresheyka i Severnogo Priladozh'ya XI–XV vv. (khronologiya veshchevykh kompleksov): Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Burial monuments of the Karelian Isthmus and Northern Ladoga Region of the 11th – 15th cc. (chronology of item's complexes): author's abstract...candidate of Historical Sciences]. St. Petersburg. 30 p.
- Bubrikh D.V., 1947. Proiskhozhdenie karel'skogo naroda: Povest' o soyuznike i druge russkogo naroda na Severe [The origin of the Karelian people: The story of an ally and a friend of the Russian people in the North]. Petrozavodsk: Gosizdat Karelo-Finskoy SSR. 51 p.
- Bubrikh D.V., 1971. Russkoe gosudarstvo i formirovanie karel'skogo naroda [Russian state and the formation of the Karelian people]. *Pribaltiysko-finskoe yazykoznanie [Baltic-Finnish Linguistics]*, 5. [Problems of interaction between the Baltic-Finnish languages and other system languages: To the 80th anniversary of D.V. Bubrikh]. G.M. Kert, M.I. Mullonen, eds. Leningrad: Nauka, pp. 3–32.
- Eniosova N.V., 2010. Novye dannye o khimicheskom sostave tsvetnogo i dragotsennogo metalla pamyatnikov letopisnoy korely [New data on chemical composition of non-ferrous and precious metal of the monuments of the chronicle Korela]. *Drevnekarel'skie gorodishcha epokhi Srednevekov'ya [Ancient Karelian hillforts of the Middle Ages]*. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp. 248–262.
- Gravere R.U., 1982. Odontologicheskaya kharakteristika karel [Odontologic features of the Karelian]. *Izvestiya Akademii nauk Latvyskoy SSR. Istoriya [Bulletin of the Latvian Academy of Sciences SSR. History]*, 6 (419), pp. 81–93.
- Karjalan..., 2003. Karjalan synty. 1. osa. M. Saarnisto, ed. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy. 560 p.
- Khartanovich V.I., 1986. Kraniologiya karel [The Karelians' craniology]. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya Evropeyskoy chasti SSSR [Anthropology of the modern and ancient population of the European part of the USSR]*. I.I. Gokhman, A.G. Kozintsev, eds. Leningrad: Nauka, pp. 63–120.
- Khartanovich V.I., 1990. K kraniologii naseleniya severozapadnogo Priladozh'ya XIX – nachala XX v. [To the craniology of the population of the North-Western Ladoga Region of the 19th – the beginning of the 20th cc.]. *Balty, slavyane, pribaltiyskie finny: Etnogeneticheskie protsessy [The Balts, the Slavs and the Baltic Finns: ethnogenetic processes]*. R.Ya. Denisova, ed. Riga: Zinatne, pp. 216–229.
- Khartanovich V.I., 2001. Drevnie i sovremennye antropologicheskie tipy Severo-Zapada Rossii i Fennoskandii [Ancient and modern anthropological types of the North-Western part of Russia and Fennoscandia]. *Ocherki istoricheskoy geografii [Essays of the Historical geography]*. A.S. Gerd, G.S. Lebedev, eds. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 499–507.

- Khartanovich V.I.*, 2005. Antropologicheskiy sostav karel'skogo naroda (obshchnost' i spetsifika territorial'nykh grupp kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeystviya) [Anthropological composition of the Karelian people (generality and specifics of the territorial groups as a result of the interethnic cooperation)]. *Mezhkul'turnom prostranstve pogrannichnogo regiona [Interethnic cooperation in the intercultural community of the frontier region]*. O.P. Ilyukha, ed. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp.13–22.
- Khomutova L.S.*, 1982. Tekhnologicheskaya kharakteristika kuznechnykh izdeliy iz raskopok Tiverska i Paaso po rezul'tatam metallograficheskogo analiza [Technological specification of a forged piece from the excavations of Tiversk and Paaso on the results of metallographic analysis]. *Drevnyaya korela [Ancient Korela]*. Leningrad: Nauka, pp. 188–208.
- Kirpichnikov A.N.*, 1984. Kamennye kreposti Novgorodskoy zemli [Stone fortresses of the Novgorod land]. Leningrad: Nauka. 276 p.
- Kivikoski E.*, 1961. Suomen esihistoria. *Suomen historia I*. Porvoo, pp. 104–293.
- Kivikoski E.*, 1973. Die Eisenzeit Finnlands: Bildwerk und Text. Helsinki: O.Y. Weilin, A.B. Goos. 150 p. (Finnische Altertumsgesellschaft).
- Kochkurkina S.I.*, 1975. Retsenziya na knigu: Golubeva L.A. Ves' i slavyane na Belom ozere X–XIII vv. [A book review: Golubeva L.A. Wes and Slavs on the Belaye Lake in the 10th–13th cc.]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 2, pp. 303–305.
- Kochkurkina S.I.*, 1982. Drevnyaya korela [Ancient Korela]. Leningrad: Nauka. 215 p.
- Kochkurkina S.I.*, 2000. Zhelezoobrabatyvayushchee remeslo u drevnykh karelov i vepsov v epokhu srednevekov'ya [Iron-working craft of Ancient Karelians and Vepses in the Middle Ages]. *Gumanitarnye issledovaniya v Karelii [Humanitarian researches in Karelia]*. O.P. Ilyukha, ed. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp. 23–30.
- Kochkurkina S.I.*, 2010. Drevnekarel'skie gorodishcha epokhi Srednevekov'ya [The Ancient Karelians hillforts of the Middle Ages]. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 263 p.
- Kochkurkina S.I.*, 2015. Arkheologicheskie pamyatniki i etnosy na territorii Karelii v epokhu Srednevekov'ya [Archaeological sites and ethnos on the territory of Karelia in the Middle Ages]. *Istoki Karelii: vremya, territoriya, narody: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya [The origins of Karelia: time, territory, ethnos: Interdisciplinary researches]*. S.I. Kochkurkina, comp. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk, pp. 39–148.
- Kosmenko M.G.*, 1992. Mnogosloynnye poseleniya yuzhnoy Karelii [Multilayer settlements of the Southern Karelia]. Petrozavodsk: Institut yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 222 p.
- Lavrent'evskaya letopis' i Suzdal'skaya letopis' po akademicheskomu spisku [Lavrentyevskaya Chronicle and Suzdal Chronicle according to the academic list], 1962. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian Chronicles], 1. Moscow: Nauka. 578 p.
- Lehtinen L.*, 1994. Mikkelin seudun kalmistot osana Savon varhaishistoriaa. *Kalmistojen kertomaa. Rautakautinen Mikkelin seutu idän ja lännen välissä*. Mikkeli, pp. 6–25.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.*, 1966. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta. *Suomen Museo*, 73, pp. 22–39.
- Leskinen H.*, 1987. Pohjois-Karjalan murteet – silkkää Savo vai katoavaa Karjala? *Carelia rediviva*. Joensuu, pp. 77–95.
- Leskinen J.*, 2003. Karjalaisten kielimuotojen alkuperän arvoitus. *Karjalan synty*. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, pp. 448, 449.
- Leskinen Kh.*, 1976. Karely i Savo s tochki zreniya issledovatelya yazyka [The Karelians and Savo from the linguistic point of view]. *Proiskhozhdenie Karelii: Doklady seminarov 30 iyunya – 2 iyulya 1976 g. [The origin of Karelia: Theses of the workshop, 30 June–2 July 1976]*. Joensuu: Universitet Joensuu, pp. 139–148.
- Lind J.*, 1977. Sjögrens Häme-teori og de russiske Krøniker. *Historisk Tidskrift för Finland*, 62, pp. 286–323.
- Luoto J.*, 1999. Suomen varhaiskristillisyyden kokonaisuus. *Muinaistutkija*, 2, pp. 53–57.
- Mullonen I.I.*, 2010. Formirovanie etnoyazykovoy karty Karelii (po materialam toponimicheskogo atlasa) [Forming of the ethnic and language map of Karelia (on the materials of toponimic atlas)]. *Adaptatsiya narodov i kul'tur k izmeneniyam prirodnoy sredy, sotsial'nym i tekhnogenym transformatsiyam: Programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiyskoy Akademii nauk [Adaptation of the peoples and cultures towards the environmental changes, social and technological transformations: Programme of the fundamental researches of the Presidium of the Russian Academy of Sciences]*. A.P. Derevyanko, A.B. Kudelin, V.A. Tishkov, eds. Moscow: ROSSPEN, pp. 424–427.
- Nordman C.A.*, 1924. Karelska järnåldersstudier. Helsingfors: K.F. Puromies Boktryckeri A.-B. 200 p. (Finska Fornminnesföreningens Tidskrift; XXXIV: 3).
- Nordman C.A.*, 1968. Archaeology in Finland before 1920. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica. 82 p. (History of Learning and Science in Finland 1828–191, 14a).
- Pirinen K.*, 1988. Savon keskiaika. Savon historia I. Kuopio. 285 p.
- Potashcheva I.M., Chazhengina S. Yu., Svetov S.A.*, 2013. Vozmozhnosti primeneniya mikrozonodovogo analiza obraztsov krugovoy keramiki k izucheniyu tekhnologii drevnego goncharstva karelov v epokhu Srednevekov'ya [The options of using the microzonod analysis of the round ceramics to studying the technology of the ancient pottery

- of the Karelians in the Middle Ages]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki [Proceedings of the Petrozavodsk University. Series: Natural Sciences]*, 8 (137), pp. 44–50.
- Purhonen P.*, 1998. Kristinuskon saapumisesta Suomeen: uskontoarkeologinen tutkimus. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. 261 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 106).
- Saksa A.*, 1998. Rautakautinen Karjala. Joensuu: Joensuun yliopistopaino. 258 p.
- Saksa A.I.*, 2010. Drevnyaya Kareliya v kontse I – nachale II tysyacheletiya n.e. Proiskhozhdenie, istoriya i kul'tura naseleniya letopisnoy Karel'skoy zemli [Ancient Karelia in the end of the 1st – the beginning of the 2nd millennium AD. The origin, history and culture of population of the chronicle Karelian Land]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 400 p.
- Schwindt T.*, 1893. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta. Helsinki. 206 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XIII).
- Simola H.*, 2003. Karjalan luonto ja ihminen. *Karjalan synty*. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, pp. 81–115.
- Taavitsainen J.-P.*, 1990. Ancient Hillforts of Finland: Problems of Analysis, Chronology and Interpretation with Special Reference to the Hillfort of Kuhmoinen. Helsinki: University of Helsinki. 294 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 94).
- Taavitsainen J.-P.*, 2003. Karjalan muinaislinnat. *Karjalan synty*. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, pp. 432–434.
- Tallgren A.M.*, 1931. Suomen muinaisuus. Suomen historia I. Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö. 256 p.
- Uino P.*, 1997. Ancient Karelia: Archaeological studies. Helsinki. 426 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 104).
- Vasil'eva E.S.*, 1982. Kharakteristika mednykh splavov s gorodishch Tiversk i Paaso [Specification of copper alloys from the Tiversk and Paaso hillforts]. *Drevnyaya korela [Ancient Korela]*. Leningrad: Nauka, pp. 185–188.
- Yanin V.L.*, 2003. Novgorodskie posadniki [Novgorod posadniki]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 512 p.